

**ДЖЕК
КЕРУАК**

JACK
KEROUAC

LONESOME TRAVELLER
TRISTESSA
SATORI IN PARIS

**ДЖЕК
КЕРУАК**

**ОДИНОКИЙ СТРАННИК
ТРИСТЕССА
САТОРИ В ПАРИЖЕ**

Издательство АСТ
Москва

ОДИНОКИЙ СТРАННИК

ОТ АВТОРА

И М Я: Джек Керуак

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: франкоамериканец

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: Лоуэлл, штат Массачусетс

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 12 марта 1922 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: (школы, особые образовательные курсы, степени и годы)

Средняя школа Лоуэлла (Масс.); Мужская школа Хорэса Мэнна; Коламбия-колледж (1940—1942); Новая школа социологии (1948—1949). Гуманитарные науки, без степеней (1936—1949). Получил пятерку у Марка Ван Дорена по английскому в Коламбии (курс по Шекспиру). — Провалился по химии там же. — Набрал средний балл 92 в школе Хорэса Мэнна (1939—1940). В универсах играл в футбол. Кроме того, легкая атлетика, бейсбол, команды по шахматам.

ЖЕНАТ: нет

ДЕТИ: нет

РЕЗЮМЕ ОСНОВНЫХ ЗАНЯТИЙ И/ИЛИ РАБОТ.

Всё. Давайте проясним: судомой на судах, служитель на автозаправках, палубный матрос на судах, газетный спортивный обозреватель («Лоуэлл сан»), железнодорожный тормозной кондуктор, сценарный рецензент в «XX век — Фокс» в Нью-Йорке, газировщик, железнодорожный писарь на сортировке, также железнодорожный носильщик багажа, сборщик хлопка, помощник перевозчика мебели, подмастерье по листовому

металлу на строительстве Пентагона в 1942 г., наблюдатель лесной пожарной службы в 1956 г., строительный разнорабочий (1941).

ИНТЕРЕСЫ:

УВЛЕЧЕНИЯ. Я изобрел собственный бейсбол, на карточках, крайне сложный, и ныне в процессе целого 154-игрового сезона между восемью клубами, со всеми делами, средними показателями, средними числами законных пробежек и т. д.

СПОРТ. Играл во всё, кроме тенниса и лякросса, и гонок парных шлюпок.

ОСОБО. Девушки.

ПРИВЕДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КРАТКИЙ ОЧЕРК СВОЕЙ ЖИЗНИ.

Провел прекрасное детство, отец мой был печатником в Лоуэлле, штат Массачусетс, днями и ночами бродил по полям и речным берегам, сочинял маленькие романы у себя в комнате, первый роман написал в 11 лет, кроме того, вел обширные дневники и «газеты», в которых сообщал о собственнo-изобретенных мирах бегов и бейсбола, и футбола (как это записано в романе «Доктор Сакс»). Получил хорошее начальное образование у иезуитских братьев в приходской школе Святого Иосифа в Лоуэлле, отчего потом перескочил через шестой класс в бесплатной средней школе; ребенком ездил в Монреаль, Квебек, с родителями; в 11 лет — мэр Лоренса (Масс.) Билли Уайт подарил лошадь, катал всю ребятню по соседству; лошадь убежала. Ходил в долгие прогулки под старыми деревьями Новой Англии по ночам с мамой и тетей. Внимательно слушал, как они судачат. Решил в 17 лет стать писателем под воздействием Себастьяна Сампаса, местного молодого поэта, который потом погиб на береговом плацдарме в Анцио; прочитал жизнеописание Джека Лондона в 18 лет и решил также стать искателем приключений, одиноким странником; первые литературные влияния — Сароян и Хемингуэй; позже Вулф (после того как я сломал ногу на Первокурсном футболе в Коламбии, прочитал Тома

Вулфа и бродил по его Нью-Йорку на костылях. Повлиял мой старший брат — Жерар Керуак, который умер в 9 лет в 1926-м, когда мне было 4, был великий художник и рисовальщик в детстве (точно был). Кроме того, монахини говорили, был святой (записано в грядущем романе «Видения Жерара»). Мой отец был совершенно честный человек, исполненный веселости; скис в последние годы из-за Рузвельта и Второй мировой войны и умер от рака селезенки. Мать по-прежнему жива; я живу с ней чем-то вроде монашеской жизни, что позволяет мне писать столько, сколько писал. Но также писал на дороге как рабочий бродяга, железнодорожник, мексиканский изгой, европейский путешественник (как показано в «Одиноком страннике»). Одна сестра, Кэролин, теперь замужем за Полом Э. Блейком-мл. из Хендерсона, СК, правительственным противоракетным техником. У нее один сын, Пол-мл., мой племянник, который зовет меня дядей Джеком и любит меня. Мою мать зовут Габриэльль; научился всему про то, как естественно рассказывать истории, по ее долгим рассказам о Монреале и Нью-Гэмпшире. Родня моя уходит корнями в Бретонскую Францию, первому североамериканскому предку барону Александру Луи Лебри де Керуаку из Корнуолла, Бретань, 1750 г. или около того, была дарована земля вдоль *Rivière du Loup* после победы Вулфа над Монкальмом; его потомки женились на индианках (мохоках и конавага) и стали сажать картофель. Первый потомок в Соединенных Штатах — мой дед Жан-Батист Керуак, столяр, Нэшуа, штат Нью-Гэмпшир. Мать моего отца из Бернье, родня исследователя Бернье — с отцовской стороны все бретонцы. У матери моей имя нормандское, Левеск.

Официально первый роман «Городок и город» написал в традиции долгой работы и редактирования, с 1946 по 1948 г., три года, опубликован «Харкорт-Брейсом» в 1950-м. Затем обнаружил «спонтанную» прозу и написал, скажем, «Подземных» за 3 ночи. «На дороге» написал за 3 недели.

Читал и учился сам всю жизнь. Побил рекорд в Коламбия-колледже по прогулу занятий, чтобы сидеть в комнате

общежития и писать ежедневную пьесу, и читать, скажем, Луи-Фердинанда Селина, а не «классиков» по программе.

Думал своим умом. Известен как «безумец, бродяга и ангел» с «голой бесконечной головой» «прозы». Кроме того, стихотворный поэт, «Блюз Мехико» («Гроув», 1959). Всегда считал писательство своим долгом на земле. Также проповедование вселенской доброты, которую истеричным критикам не удалось заметить под неистовой деятельностью в моих правдивых романах о «битом» поколении. Вообще-то, сам не «бит», а странный одиночный чокнутый католический мистик...

Предельные планы: отшельничество в лесах, спокойное писание о старости, зрелые надежды на Рай (который все равно всем является)...

Любимая жалоба на современный мир: веселенькость «почтенных» людей... кто, не принимая ничего всерьез, уничтожают старые человеческие чувства старше журнала «Время»... Дэйв Гэрроуэй смеется над белыми голубками...

ПРИВЕДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КНИГИ, ЕЕ ОХВАТА И ЦЕЛИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД.

«Одинокий странник» есть сборник опубликованных и неопубликованных работ, связанных между собой, потому что у них общая тема: странствование.

Странствия охватывают Соединенные Штаты с юга на Восточное побережье, на Западное побережье, на крайний Северо-Запад, охватывают Мексику, Марокко, Африку, Париж, Лондон, как Атлантический, так и Тихий океаны на судах, и разных интересных людей и города, в оные включенные.

Работа на железной дороге, на море, мистика, работа в горах, распутство, солипсизм, потворство своим желанием, бой быков, наркотики, церкви, художественные музеи, улицы городов, мешанина жизни, проживаемой независимым образованным повесой без гроша в кармане, прущимся куда угодно.

Ее размах и цель — простая поэзия либо же естественное описание.

ПРИЧАЛЫ БЕЗДОМНОЙ НОЧИ

ЗДЕСЬ, НА ТЕМНОЙ ЗЕМЛЕ,
пока все мы не отправились на Небеса,
ВИДЕНЬЯ АМЕРИКИ.
Все эти автостопы,
Все эти желдороги,
Всё это возвращенье
к Америке
Через мексиканскую и канадскую границы...

Ну-тка начну-ка с вида меня с воротником, съезженным поближе к шее и обвязанным носовым платком, чтоб потуже и поуютнее, а я трюхаю по унылым, темным складским пустырям вечно любящего портового района Сан-Педро. Нефтеперегонки сырой туманноватой ночью Рождества 1951 г. воняют горелой резиной и вытошненными таинствами Морской Карги Пасифики, где прямо слева от меня, пока я трюхаю, видна масляная дегтярница старых вод бухты, шагающих обнять пенящие столбы, а дальше над уютными водами огни, рыдающие в движущемся приливе, а также фонари судов и бродячих лодок, что сами движутся и смыкаются, и покидают эту последнюю кромку американской земли. На том темном океане, том темном море, где червь незримо скачет к нам верхом, как карга, летучая и словно бы небрежно разложенная на печальном диване, но волосы ее развеваются, и она спешит найти кармазинную радость влюбленных и пожрать ее, смертью звать, корабль рока и смерти пароход «Скиталец», выкрашенный черным, с оранжевыми выстрелами, уже приближался, как призрак и без единого звука, лишь его обширно содрогаящаяся машина, подтянуться-и-привзвиться к при-

чалу Сан-Педро, свеженький после рейса из Нью-Йорка через Панамский канал, а на борту мой старый корешок, Дени Блэ назовем его, который вынудил меня проехать 3000 миль по суше на автобусах, обещанием, что возьмет меня на борт, и я проплыву остаток вояжа вокруг света. И раз уж я здоров и снова бичую, а делать мне больше неча, только скитаться с вытянутой мордой по реальной Америке со своей нереальной душой, вот он я, горяч и готов быть большим ломоносым поваренком или судомоем на старой жрачной шаланде, лишь бы затарить себе следующую причудливую рубашенцию в гонконгской галантерее, или помахать полотком в каком-нибудь старом сингапурском баре, или поиграть на лошадках в австралийском; все это мне едино, лишь бы распаляло и ходило вокруг света.

Уже не первую неделю я странствую по дороге, на запад от Нью-Йорка, и жду во Фриско дома у друга, меж тем зарабатывать лишние 50 дубов работой в рождественскую суету, ворочая багаж на старой запьянцовской железной дороге. Вот только что приехал за 500 миль от Фриско почетным тайным гостем теплушки первоклассного грузового поезда «Молния» благодаря своим связям на железной дороге и теперь думаю стать видным моряком, сяду на «Скитальца» прямо тут, в Сан-Педро, так я с нежностью думаю, в общем, если б не это пароходство, я б наверняка точно хотел быть железнодорожником, научился бы тормозному кондукторству, и мне бы платили за то, что езжу на этой старой вжик-«Молнии». Но я болел, внезапная удушающая ужасная простуда типа вируса X покалифорнийски, и почти ничего не видел в пыльное окно теплушки, пока она мелькала мимо снежного разбивающегося наката волн в Сёрфе и Тангэре, и Гавиоте на меже, что бежит по этому лунистому рельсу между Сан-Луис-Обиспо и Санта-Барбарой. Я как мог старался ценить добрый прогон, но был способен лишь лежать пластом на сиденье теплушки, уткнув лицо в свою куртку комом, и всем до единого кондукторам от Сан-Хосе до Лос-Анджелеса приходилось меня будить, чтоб выяснить мою квалификацию, я был братом тормозного кондуктора, и сам — он же, на Техасской дистанции, поэтому стоило мне перевести взгляд наверх, думая, «Старина Джек,

вот ты и впрямь едешь в теплушке и следуешь линии прибора по призрачной железной дороге из всех, по каким в дичайших своих грезах мечтал проехаться, как у ребенка мечта, так чего ж ты и головы приподнять не можешь, и выглянуть наружу, и заценить пернатый брег Калифорнии, последнюю землю, что оперяется тонкой пудряной дегтярницей придверных лежней или привратной воды, что вьется сюда со всякого Ориента и савана бухтового выстрела, отсюда до Каттераса Хлоптераса Вольдивийного и Хрусттераса, ух», но подымаю голову, и там нечего смотреть, кроме моей кровеналитой души, да смутных намеков нереальной луны, сияющей на нереальное море, да мимомелькие проблески гальки на дорожной насыпи, рельсы в звездном свете. Прибываем в ЛА поутру, и я спотыкаюсь с полным огромным обнимешком на плече от сортировок аж до самой Мэйн-стрит в центре, где залег в гостиничном номере на 24 часа, пия бурбон, лимонный сок и анацин и видя, лежа на спине, виденья Америки, у которой не было конца — что было только началом, — но думая, «Сяду на “Скитальца” в Сан-Педро и отвалю в Японию, и кыш сказать не успеешь». Глядь в окно, когда мне чуть получшело, и врубаюсь в жаркие солнечные улицы Рождества ЛА, наконец отправившись по бильярдным и полировочным сволочного ряда и выхаривая там и сям, пока ждал, когда «Скиталец» подтянется к причальной стенке, где я должен встретиться с Дени прям на трапе с пушкой, которую он послал заранее.

Больше одной причины встречаться в Педро — пушку он отправил заранее в книжке, которую тщательно вырезал и выдолбил, и сделал из нее аккуратный тугой сверток, покрытый бурой бумагой и перевязанный бечевкой, адресованный одной девушке в Голливуде, Хелен как-то, с адресом, который он мне дал. «Так, Керуак, когда доберешься до Голливуда, немедленно иди к Хелен и спроси у нее про сверток, что я ей прислал, потом аккуратно его вскрыешь у себя в номере, и там пистолет, он заряжен, поэтому осторожнее, не отстрели себе палец; потом положишь в карман, ты меня слышишь, Керуак, тебе добило это до твоего суевыйного заполошного воображения, но теперь у тебя есть порученьице выполнить мне, маль-

чику твоему Дени Блэ, помнишь, мы вместе в школу ходили, придумывали, как вместе выжить, чтоб пенни себе урвать, мы даже легавыми вместе были, мы и женились-то на одной тетке» (кхых). «То есть мы оба хотели одну и ту же тетку, Керуак, теперь все от тебя зависит, сможешь ли ты защитить меня от зла Мэттью Питерса, ты этот пистик с собой приноси, тыча в меня и подчеркивая каждое слово, и тыча меня с каждым словом «и тащи на себе, и смотри не попадись и не опоздай на судно, во что бы то ни стало». План до того нелепый и уж такой для этого маньяка типичный, что я, конечно, пришел без пистолета, даже Хелен искать не стал, а лишь в одной своей избитой куртке, спеша, почти опаздывая, я уже видел его мачты близко у причала, ночь, прожекторы везде, вдоль этой унылой долгой плазы перегонки и складских резервуаров для нефтепродуктов, о мои бедные стертотпанные башмаки, что теперь вот уже начали настоящее путешествие, в Нью-Йорке пустились вдогон дурацкого судна, но того гляди мне станет ясно в ближайшие 24 часа, ни на какое судно я не попаду — тогда этого не знал, но обречен был остаться в Америке, навсегда, дорожный рельс ли, гребвинт ли, это всегда будет Америка (суда курсом на Ориент пыхтели по Миссисипи, как будет показано впоследствии). Без пистолета, съживившись супротив ужасной зимней сырости Сан-Педро и Лонг-Бича, в ночи, минуя фабрику Кота-в-Сапогах на углу с лужаечкой спереди и американскими флагштоками, и здоровенной рекламой тунца, внутри того же здания делают рыбу и для челоуеков, и для котов — мимо причала «Мэтсона», «Лурлина» еще не пришла. Глазами шарю Мэттью Питерса, негодая, для коего потребен пистолет.

Корнями уходит, неистово, к дальнейшим предшествовавшим событиям в этом зубовноскрежетном громадном кино земли, лишь часть коего здесь мною предложена, хотя и долгая, каким диким может стать мир, пока наконец не осознаешь: «Ох, что ж, это по-любому повторное». Но Дени намеренно разгромил машину этого Мэттью Питерса. Судя по всему, они жили вместе с кучкой девушек в Голливуде. Были моряки. Видал я фотки их, сидящих вокруг солнечных бассей-

нов в купальниках и с блондинками, и в будь здоров обнима- тельных позах. Дени высокий, толстоватый, темноволосый, улыбочивые белые зубы улыбкой лицемера; Мэттью Питерс крайне симпатичный блондин с самоуверенной мрачной или (болезненной) физиономией греха и безмолвия, герой — той группы, того времени, поэтому слышишь, как это всегда го- ворится из-под руки, конфиденциальные истории, что тебе любая пьянь расскажет и не-пьянь в любом баре и не-баре отсюда до другой стороны всех миров Татхагаты в 10 сторонах вселенной, это как призраки всех комаров, что некогда жили, плотность байки мира этого всего такова, что довольно будет утопить Пасифику столько раз, сколько сможешь вынуть пес- чинку из ее песчаного ложа. Мощная байка же была, мощная жалоба, которую я слышал нараспев, от Дени, старого жалоб- щика и певуна, и одного из самых бранчливых жалобщиков: «Пока я шарил по мусорным бакам и бочкам Голливуда, при- кинь, бродя по задам тех вот очень шикарных жилых домов и по ночам, поздно, очень тихо шнырял по округе, бутылки добывал по 5 центов залога и складывал их себе в сумочку, чтоб лишняя денюшка на карман, когда мы себе не могли грузчицкой работы в порту срастить, а судна ни за деньги, ни за красивые глаза нам не было. Мэттью, с его легкомыс- ленными прихватами, закатывал вечеринки и тратил всякий цент, что мог добыть у меня из заскоружлой лапы, и ни разу, Н Н Ни Разу, не слышал я ни единого с л о в а благодарности. Можешь вообразить, каково мне было, когда он наконец за- брал мою любимую девчонку и свинтил с нею на ночь. Я про- лез к нему в гараж, где он свою тачку держал, я тихо-тихо вывел ее задним ходом, не заводя мотор, дал ей скатиться по улице, и затем, чувак, тут же двинул во Фриско, дуя пиво из банок. Я б тебе рассказал историю», и давай дальше свою историю, сказанную его собственным неподражаемым мане- ром, как он разбил машину в Кукамонге, штат Калифорния, лобовым столкновением с каким-то деревом; как его чуть при этом не убило, как были легавые, и крючкотворы, и бумаги, и волокита, и как он наконец добрался до Фриско, и сел на другое судно, и как Мэттью Питерс, который знал, что он на